

31. ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

Кабинет директора НИИТКМАО с ОП (далее — просто Институт) состоял из двух функциональных половин: деловой, где творили, интимной, где расслаблялись. Расслабление делилось на два акта. В первом — директорские гости чинно цедили коньяк, он вскоре заканчивался. Директор нажимал на клавишу селектора и, чтобы все слышали, говорил кому-то: "Профессор, выручай!" — "Светленького или красненького?" — с пониманием спрашивали из динамика. — "Давай светленького! Тут настоящие мужики." Через минутку без стука входил лысый мужчина в синем халате, нес хрустальный графинчик с прозрачной жидкостью. Спирт. Начинался второй акт.

Следующий графинчик "профессор" приносил без напоминания. Если присутствовали дамы, захватывал красненького. Имелось у него и розовенькое, и зелененькое, и желтенькое. Подкрашивал спирт ягодами и травами в институтской лаборатории, где работал заместителем заведующего (далее — просто Замлаб).

"МЕТОДЫ ХИЩЕНИЯ:

1. Путем подделки актов списания этилового спирта (после их утверждения комиссией), которая заключалась в исправлении количества списанного спирта, во вложении в акты фальшивых листов.

2. Путем использования заведомо незаконно завышенных институтских норм расходования спирта, которые по отдельным позициям во много раз превышали общепринятые нормы. Расходование спирта обосновывали также несуществующими литературными источниками.

3. Путем завышения количества операций, проделанных якобы с использованием спирта.

4. Путем произвольного включения в акт списания спирта приборов и аппаратов (даже складированных), которые не использовались в научно-исследовательском процессе.

Сотрудник ОБХСС. Подпись. "

Для молодого читателя расшифрую аббревиатуру ОБХСС: отдел борьбы с хищениями социалистической собственности. Два документа отдела — ВЫВОДЫ РЕВИЗИИ, АКТ ЭКСПЕРТИЗЫ — цитировать полностью не буду, они длинные, скучны. Маленький отрывок покажет их суть: "Базовые нормы расхода спирта: а) протирка стеклянных и зеркальных поверхностей — 0,030 л/м.кв; протирка контактов электроэлементов при эксплуатации — 0,003 л/100 конт; пайка элементов аппаратуры — 0,025 л/1000 паяк; горение

спиртовки — 0,040 л/час; протирка рук при работе с синтетическими смолами — 0,010 л/одноразовое; машинки пишущие — 0,005 л/мес; аналитические весы — 0,0008 л/ремонт... ”

Видно, насколько мизерны нормы — какие-то граммульки. Наперстки. Невероятно: их них замлаб сотворил 799,2030 литров. Настоящий профессор! За пять лет в Институте исчезли четыре двухсотлитровые бочки спирта. Стоимость похищенного оценивалась в 13.266 рублей 77 копеек (напомню, за эти деньги можно было купить два “жигуля” и несколько отечественных телевизоров). ОБХСС возбудил уголовное дело против Замлаба (в нарушение закона, в высшей степени обнаглев, директор назначил его по совместительству материально ответственным лицом, имеющим право выписывать самому себе пропуск на вынос из Института любых ценностей).

В 1963 году, когда была документально зафиксирована “левая” река спирта, протекающая по кабинетам Института, я учился в 10 классе. Мне, как в шлагере Людмилы Зыкиной, было семнадцать лет, я не подозревал, что окажусь на берегу вечной реки, которая зародилась не в 1963-м, а в тридцатых, когда был открыт Институт.

На последнем курсе университета, в 1968-1969 годах, я работал в газете, старшие товарищи спихнули мне письмо о хищениях спирта в Институте. Его написал научный сотрудник, назову его уважительно: Борец. Мужчина в расцвете лет, кандидат наук. Боролся уже пять лет. Раз дошел до газеты, это означало: прошел все государственные, партийные, правоохранительные инстанции республики и СССР. Что подтверждала объемная папка с документами, от которой пахло бумажной пылью и корвалолом.

Документы типичны: мол, ваше письмо получили; направили-де туда-то; ждите, вам ответят. Однако в методике волокиты обнаружались нестандартные приемы. Уголовное дело по номенклатурным связям переправили в другой район, к своему следователю, к нему же оно возвращалось, пройдя сквозь высочайшие инстанции (четырежды!), и каждый раз он прекращал дело ввиду того, что “отсутствуют вещественные доказательства”.

Следователь мыслил. Допустим, украли паркет, краску, облицовочную плитку, доски и т. д. Все можно найти либо “в натуре”, либо “по следам”. Иметь вещественное доказательство. А где спирт? Четыре бочки не найдены. Нет спирта — нет и хищения.

Борец пытался сломать идиотскую логику следователя, доказывая, что вещественное доказательство ПРИНЯТО ВНУТРЬ ЧЕЛОВЕКОМ. Не выходя из

стен Института. Сотрудники на дармовом спирте стали алкоголиками, один от передозировки погиб.

Борца позвали в так называемый товарищеский суд Института, предупредили, чтобы не клеветал на коллектив. Научный руководитель отстранил его от темы, которой он отдал десять лет. Администрация устроила за ним охоту на проходной, по секундам фиксируя приход и уход. Семья умоляла плюнуть в вонючую реку, не обращать внимания, беречь здоровье. Сердце требовало корвалола.

Пару месяцев я был, как шутили в редакции, при спирте. Беседовал со следователем, прокурором, свидетелями (в большом коллективе Института их нашлось всего два). Мое расследование прекратилось неожиданно. Государство решило, что журналисту, только-только получившему диплом, следует два года послужить в армии. Дело о спирте я передал старшим товарищам. Они были многоопытны, мудры, списали дело в редакционный архив.

Мне было 23. Вернувшись через два никчемных армейских года в ту же газету, к делу о спирте я уже не вернулся. Дело лежало в архиве. А река — текла.

И вот мне уж тридцать лет. Из Москвы, из редакции "Литературной газеты", мне переслали письмо того самого Борца о хищении спирта в том самом Институте.

Дверь квартиры открыл старик. Я, помня цветущего мужчину, спросил, где таковой. Старик сказал, что он передо мной. И заплакал. Руки его тряслись, голос дрожал, когда он развязывал тесемки папок, подавал мне листочки с отписками чиновников, вслух зачитывал из "Правды" свежее высказывание Генерального секретаря Брежнева о том, что "надо бороться с малейшими беззакониями, с малейшими отступлениями от советского социалистического правопорядка".

Он не понял, что Генсек призывал бороться с МАЛЕЙШИМИ недостатками, а не с БОЛЬШИМИ. За то, что он боролся с большими, его уволили из Института за клевету. Нет спирта — нет хищений! Тот, кто не понимает, тому нет места в коллективе, в науке, в обществе.

Его никуда не брали на работу. Звонили в Институт, узнавали о том, что он Борец и Клеветник, и выпроваживали вон. Впрочем, если бы и взяли, толку с него было бы мало. Безработный Борец по горло был завален делом: писал жалобы на следователей; добивался восстановления на работе;

штудировал речи Брежнева; встречался с информаторами из Института, собирал новые факты о хищениях.

Замлаба вывели из уголовного дела переводом в другой институт, где повысили до завлаба. Два директора договорились. Под звон графинчика в интимной половине кабинета.

К делу приступил новый Замлаб, продолжая по-профессорски превращать наперстки спирта в бочки. Но как удалось освоиться так быстро? Ведь он не знал методики предшественника, никто его не учил направлять спиртовую реку налево, то есть внутрь. А этому учить не надо. Воровство стало нормой, заложенной в производственный конвейер. Что на конвейере, то и положено взять: спирт, водку, мясо, кирпич, булку, гайку, нитку, скрепку, спичку...

Соотечественники встали у воровского конвейера, чтобы выжить. Иногда им бывает стыдно. Хочется куда-то по примеру страуса засунуть голову. Как бы спрятаться. Люди-воры — немножко страусы, хотя обитают в неодинаковых условиях, на разных социальных уровнях. Чем выше вор, тем больше в нем страусиной хитрости. Отсюда произошли секреты. Воровской конвейер стал государственной тайной. Как только я заинтересовался спиртом, к следователю явился детектив спецслужбы, потребовал материалы ввиду их секретности и важности в деле обороноспособности и безопасности государства.

Вещественные доказательства канули ВНУТРЬ СИСТЕМЫ так же, как Волга впадает в Каспийское море. Бороться с географией опасно. Она мстит: ставит Борца вне географических координат, делает изгоем.

Прощаясь, старик-Борец неловко спросил: "Может, напечатаете мои стихи?". Я не удивился. Многие яростные борцы — в душе поэты, так как страусами быть не могут. Его стихи "ЛГ" не напечатала. Вставляю их в контекст хроники. Читатель может убедиться, что Борец был талантливый человек. Его знакомые говорили мне, что в научных делах он выделялся из кандидатской массы. Талант и жизнь он отдал борьбе с социалистической географией. Стихи Борца:

**Мечтаю возвратиться в небо,
Где солнце, воздух и простор,
Где никогда я раньше не был,
А был мой пращур прапростой.**

**Мечтаю залететь на остров,
Без подлецов и дураков,
Где все естественно и просто,
Как на турнире петушков.**

**Но остров тот в туман одетый,
И в нем бегут вперегонки
Цивилизованные дети:
И подлецы, и дураки.**

**И в этом массовом забеге
Соревнованьем взнuzдан я.
Бегу вослед, как песик пегий
В потемках мироздания.**

В 1998 году мне позвонил молодой журналист. Сказал, что занимается расследованием о хищении спирта в Институте. На тайной встрече с ним старожилы Института вспомнили, что лет восемнадцать назад спиртом занимался некто Козлович. Вот коллега и позвонил. Может, поделюсь старыми материалами. Дело сложное, люди разговаривают неохотно, в письме в редакцию фактов маловато.

Документов у коллеги было не много. Письмо о знакомой мне методике хищения, подписанное шестью сотрудниками Института (у "моего" Борца открытых помощников было два). Акт о завышении норм спирта на семи технологических операциях (у меня имелся акт по 23 операциям, сочиненный не бесправным профсоюзным группоргом, а грозным ОБХСС). Ответ директора Института инициативной группе о "невозможности раскрытия тематики и приборного обеспечения ввиду их закрытости по государственным соображениям".

По семи заактированным позициям мы сравнили "мои" древние акты и современные. Раньше нормы завышали смелее — в 15 раз, сейчас — в 6. Думаю, это связано с дефицитом средств. Известно, как бедны научно-исследовательские институты, как жалка зарплата сотрудников. Но деньги на спирт находились. Как алкоголик тратит на выпивку последние сбережения семьи, так Институт тратился на спирт, "обусловленный технологическим процессом". Современные наперстки мы с коллегой, как говорят ученые, экстраполировали на "секретные" позиции — и получили примерно две бочки на пять лет. 80 литров спирта в год уходит внутрь. Спирт нынче худшего качества, нежели ранее. Увеличилось количество отравлений. Трех потребителей спасли в больнице. Многие сотрудники ходят на работу не ради нищей зарплаты, а ради похмелиться. С утра лица у них черные, к обеду светлеют. Ученый совет заботится, чтобы в научных планах было больше операций с протиркой зеркальных поверхностей, с горением спиртовок и, само собой разумеется, с вытиранием рук, с умыванием лиц, с полосканием горла после трудов и экспериментов.

Спирт течет внутрь несмотря на кризис. Пока будет жив хоть один сотрудник Института, ему понадобится горючее. Изобретен вечный двигатель "социализма с человеческим лицом" — производственный конвейер, стимулирующий хищения. Как всякий вечный двигатель, он не лишен конструктивных недостатков, в момент икс может остановиться. Черный момент наступит, когда в Институте исчерпаются человеческие лица. Тогда и завершится вышеописанный социализм. Нет людей — не нужен спирт. Науку можно поручить обезьянам, они обойдутся без спирта, будет экономия.

Я передал молодому коллеге свой "спиртархив" и непроизвольно запел о том, как издалека долго течет река Волга, а мне то ли пятьдесят, то ли семнадцать лет...

1999

www.kamunikat.org